

СЮН КАПАЕВ

ДУШКА

РАССКАЗ

Утопающий в садах аул Кень-Тогай взбегает от подножия на восточный склон небольшой горы, словно для того, чтобы любоваться оттуда восходящим солнцем.

Как давно я здесь был... Да, время несется точно бурная горная река, меняя облик и характеры людей, меняя облик самой земли. Время сильно изменило и аул Кень-Тогай: я не вижу старых, низеньких хат, крытых соломой или камышом, узких петляющих улочек... Прямые улицы обсажены стройными молодыми деревьями, дома под шифером и черепицей... Нет, это не тот Кень-Тогай, который я знал, это совсем другой аул! Только Зеленчук, как и прежде, своенравен и шумлив, бурлящие его воды мчатся на северо-запад, и кажется, что река торопится, стараясь поспеть за стремительным бегом времени.

Спешу и я: оставив в стороне извилистую дорогу по балке Шонтык, иду напрямик к аулу по едва заметной тропинке.

Родом я не из Кень-Тогая, но здесь, у родителей моей матери, прошло мое детство, и потому он мне дорог как родной аул. Я знал здесь каждый камень и каждое дерево, в ауле и сейчас живут мои сверстники, друзья и родные.

Тропа спускается в балку, и я узнаю места, где мы мальчишками, разделившись на две армии, играли в войну, разбивая иной раз в пылу битвы носы. Меж камней с тихим журчанием бежит студеная родниковая вода, ею мы смывали с себя следы азартных

сражений.

Окраина аула... Вижу заросший кустами и деревьями участок и не сразу вспоминаю, что это — родовое кладбище Наймановых. Раньше кладбище ограждалось каменной стеной, вдоль стены шел неглубокий ров, а теперь оно обнесено штакетником — видно, это и помешало сразу узнать хорошо известное мне место.

Я и сейчас не знаю, что так волнует меня, когда я подхожу к кладбищу... Разные мысли и чувства теснятся во мне, в памяти всплывают лица знакомых людей — тех, которые недавно были живы, веселились и печалились, в ушах звенят их голоса и смех, а сегодня...

Моя бабушка, проходя мимо кладбища, говорила: «Пусть земля будет им пухом... Надо ухаживать за могилами. Тот, кто забывает могилы усопших, не человек». В детстве я бывал здесь — смотрел на цветущие деревья, на памятники, поправлял стену ограды. А иногда просто стоял и вслушивался в тишину кладбища, смутно ощущая непонятную мне значительность этой вечной тишины.

Я остановился возле кладбища и огляделся. Все здесь было знакомо, вот только ограда стала другой, выросли, стали большими деревья, да кое-где появились новые могилы. И вдруг я поймал себя на том, что непроизвольно ищу что-то взглядом, что-то, что было здесь в прошлые годы и что будило какое-то неясное грустно-щмящее чувство. Да, чего-то не хватало в этом с

детства знакомом месте, и я лихорадочно пытался припомнить — что же могло быть? Постой, постой, ведь где-то здесь была отдельная, вынесенная за ограду кладбища, могила! Где же она теперь? Да она ведь была на другой стороне, подальше от аула.

Я обогнул кладбище и посмотрел вдоль ограды. Там была ровная, вытопанная скотом площадка, гладкая, как школьная доска. Наверное, за этой могилой никто не ухаживал, и постепенно она сравнялась с землей. Тем более, что она была без каменной плиты — просто маленький холмик земли, поросший густой травой. Мне вспомнилось, как еще в детстве нас всех поразила эта одинокая могила. Почему она не на кладбище? Кто похоронен в ней? Почему на могиле нет обычной, стоящей в изголовье каменной плиты с высеченной арабской вязью надписью?

Расспрашивать взрослых мы долго не решались, но однажды я осмелился спросить у дяди Юсупа, что это за могила?

— Это могила Душки и потому она за кладбищем. Ты знал Душку?

— Знал... Но почему же ее могила в стороне?

— Так надо было...

— Почему?

— Почему, почему... Потому, что она была русская. Сама чужая, и ее вера была чужая.

— А почему, если она русская, нельзя было ее похоронить на кладбище?

— Что ты пристал ко мне, как репейник? — рассердился дядя Юсуп. — Пойди спроси у эфенди Исхака, он тебе скажет почему.

Я очень хорошо знал Душку, ведь она жила с нами по соседству. Высокая, с золотистыми косами, покрытыми нарядным платком, с красивыми сероголубыми глазами, — я и сейчас ясно представляю эту милую и веселую женщину. Я помню, как она, встретившись со мной, ласково погладила мою голову и сказала: «Ну как живется, душа моя?» Не знаю — отчего ее все называли Душкой. Говорили, что

настоящее ее имя Дуся. Может быть, ногайским женщинам было проще так ее называть, а может быть, от того, что она часто обращалась к другим со словами «душа моя». Дуся охотно отзывалась на это и никогда не обижалась.

Я не знал тогда, откуда и как она появилась в ауле. Говорили, что она давно живет здесь, что ее отец Николай сделал много хорошего для ногайцев.

Спустя много времени я узнал, что Николай до революции работал в ауле писарем, был человеком справедливым и смелым. Помогал беднякам писать жалобы на баев, грабивших бедняков. Николай погиб в гражданскую войну от рук белых. Жена и дочь после его гибели уехали в город. Потом прошел слух, что Дуся вышла замуж.

Через несколько лет умерла ее мать, и Дуся вернулась в аул с маленькой дочкой. В Кень-Тогае так и не узнали, почему она вернулась, где ее муж. Сама она о замужестве никому ничего не говорила. Но аульчане знали, что девушкой она любила ногайского парня, и он был очень влюблен в нее.

Дуся работала в колхозе наравне с мужчинами, не отказывалась ни от какой работы. Полола кукурузу, пахала лучше некоторых мужчин, была дояркой. Узнав, что она отлично кухарит, колхозники поставили ее поваром полеводческой бригады. Она умела готовить любимые ногайские блюда — кувырдак, ногайский чай, и ни один свадебный пир не обходился без ее участия. Дуся стала самой уважаемой женщиной аула. Любили ее все — и старики, и малыши. Росла потихоньку и ее дочь...

Беда, как говорится, приходит, не спросясь, приходит внезапно. Так пришла она и во двор Дуси.

Темной ночью Дуся вместе с другими женщинами возвращалась на подводе с поля. При спуске с горы подвода перевернулась. Дуся скончалась по дороге в больницу.

Весь аул был в горе. Два дня из дома Дуси слышались плач и причитания женщин. Но когда пришел день похорон, на сцену выступил Исхак-эфенди. До

хрипоты он доказывал аульчанам, что хоронить Дусю на ногайском кладбище нельзя. Он говорил, что она — гяур, что, похоронив ее на мусульманском кладбище, оскверним священное место, растопчем память об усопших.

Старики были вынуждены согласиться с эфенди, а мнение стариков — закон для остальных. Друзья Дуси похоронили ее возле кладбищенского рва. Вот так и возник памятный мне с детства поросший травой холмик.

...Долго я стоял у ограды кладбища, погруженный в прошлое. А очнувшись от воспоминаний, увидел что жители Кень-Тогая не забывают об ушедших родных и близких: на могилах свежевыкрашенные железные ограды, трава аккуратно скошена, деревья обкопаны». Нет только холмика, под которым покоился прах доброй русской женщины Дуси...

Дом сестры моей матери, к которой я шел после долгих лет разлуки, стоял в центре аула, возле школы. Я шел по улице, обсаженной высокими тополями, и с волнением осматривался по сторонам, с трудом узнавая в изменившемся пейзаже места детских игр, дворы и дома своих друзей и знакомых. Стой-ка, вот здесь же стояла низенькая, крытая соломой хата Дуси! А теперь на этом месте стоит новый, крытый черепицей красивый дом.

Я подошел к палисаднику и увидел мальчика и девочку, увлеченно играющих «в классы». Вдруг девочка увидела меня и застыла, потом толкнула локтем мальчишку, и оба они уставились на меня. Что-то знакомое почудилось мне в облике девочки: большие серо-голубые глаза, золотистые волосы с белым бантом... И еще что-то было в выражении ее глаз, устремленных на меня. Уходя от детей, я оглянулся и долго не мог забыть этот ясный и пытливый взгляд серо-голубых глаз.

Умеют встретить гостя в этих краях. Где только не побывал я за свою жизнь, но таких сердечных, гостеприимных людей, как здесь, встречал редко. Боюсь, что это покажется

нескромным, но не могу не сказать: тетушка Салиме прямо-таки не знала, куда меня усадить, чем угостить. Три дня, что я был у нее, она не присаживалась, и я даже усомнился — спала ли она. В ее доме побывали мои сверстники и друзья со всего аула: ели, пили, вспоминали детство и юность, а молодежь вечерами устраивала во дворе танцы.

В какой-то из этих дней у нас выдался свободный от гостей час, и мы с тетушкой Салиме сели поговорить. Я взглянул в окно и вдруг увидел во дворе ту самую девочку с золотистыми волосами.

— Тетей, чья это девочка? Салиме посмотрела в окно, потом на меня и, ничего не ответив, села на стул, опустив глаза. Молчал и я, удивленный тем, что она ничего не говорит. Посидев некоторое время в грустной задумчивости, Салиме спросила:

— Мусса, дорогой мой, помнишь ли ты Душку?

— Конечно, помню!

— Мы с Душкой были ровесницами. Выросли вместе — она была нашей соседкой. Ты вот спросил, чья девочка... А ведь это внучка Душки.

— Дочь Марии?

— Да, дорогой, ее дочка... Только мы ее зовем Марием, а не Мария.

Марию тоже хорошо знал — мы вместе учились в школе. Правда, я был на пять или шесть классов старше ее, она только что пришла в школу.

— После смерти Душки, — тихо продолжала Салиме, — Марию взял на воспитание Умар Эсенеев. Хорошо воспитал, пусть аллах будет доволен им, а она выросла — выдал замуж в хорошую семью. Но вскоре, бедняга, умер — сильно был изранен на войне... А Мария живет с мужем. Хороший тракторист.

— А как зовут его?

— Мурат Керейтов. Знаешь его?

— Знаю.

— Хороший парень, ничего не скажешь, дай бог каждому быть таким семьянином, как он. Любят друг друга. А Малек, мать Мурата, не может

нахваляться невесткой.

Салиме вдруг замолкла, поправила платок на голове и, тяжело вздохнув, сказала:

— Умар Эсенеев с Душкой од-ногодки... Вот только жизнь у них не сложилась...

Я не понял, что она этим хочет сказать, и спросил:

— Чья жизнь не сложилась, тетей?

— У Душки с Умаром, дорогой мой.— Тут я заметил, что глаза у тетушки заблестели слезой, а сама она как-то сникла, склонив голову.— Знаешь, Мусса, какая Душка была красивая! Редко встретишь такую удивительно красивую девушку.

Умар Эсенеев тоже был красив. Любовь у них была взаимная. Они встречались в моем доме, где мы сидим, но встречались тайно. Но разве от чужих глаз можно сохранить такую тайну? Кто-то донес отцу Умара, Рамазан-мулле, что его сын встречается с марушкой, что рушится его очаг, его вера. В сильном гневе на сына Рамазан-мулла избил его, сказав напоследок: «Если приведешь в мой двор ее, прокляну тебя и твой род до седьмого колена»...

— В то время, Мусса, дорогой мой,— продолжила Салиме,— религия была еще сильна. Нарушать свою веру, а тем более сыну муллы, никто тогда не позволил бы. Что мог сделать Умар? Пойти против воли отца? Он просто в один день исчез из аула. Искали его, но не нашли. Одни говорили, что он утопился, другие — что ушел куда-то в горы. Вскоре в город переехала Душка с матерью. Умар вернулся в аул, когда умер его отец. Некоторые поговаривали, что Умар, мол, в тех краях, где он жил, оставил семью. Но правды никто не знал, ничего не говорил о своих скитаниях и Умар. Через год после приезда Умара в аул вернулась и Душка. Вернулась с дочкой. Потом Душка погибла...

Вот как и сложилась судьба двух влюбленных. Умар воспитал, как свою дочь, дочь Душки. Две души все же встретились. И могилы их почти рядом...

— Но, тетей, — сказал я,— могилы Душки на месте нет. Где же она?

— Не спеши, дорогой мой,— перебила меня Салиме,— расскажу тебе по порядку. Так вот: у Душки сейчас есть внук и внучка, та, которую видели в окно. Ах, если бы Душка могла их увидеть, она бы все повторяла: «Душа моя!» И хотя Душка умерла, вместо нее, хвала аллаху, есть сейчас Малек: в них она видит свою радость, свое счастье. У них отец — ногаец, мать — русская, но никто не скажет, что они несчастливы. Люди уже не те, что раньше... Молодец Малек — золотая старушка — всю себя отдает детям, ведь и Мурат и Марием всегда на работе... А останки Душки перенесли на кладбище, когда ставили новую ограду, и похоронили около могилы Умара Эсенеева.

«Да, люди уже не те»,— повторил я про себя слова тетей.

— Пусть долгие годы будут счастливы их дети,— пожелала Салиме. Встав со стула, она повернула на стене выключатель, и в тот же миг сумрак комнаты рассеял яркий электрический свет.

На другой день я встретил золотоволосую девочку и, остановившись, погладил ее по голове и невольно сказал слова Душки:

— Машалла,¹ душа моя, как ты выросла!

Девочка подняла голову и, взглянув на меня лучистыми голубовато-серыми глазами, улыбнулась и ответила:

— Спасибо, дядя!

¹Машалла — восклицание удивления, принятое у ногайцев.

Перевод с ногайского В. НОВОХАТКО.